

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертационную работу **Оруджова Эдуарда Игоревича**
на тему **«Поселенческие памятники вятско-ветлужской археологической культуры ананьинской культурно-исторической области в бассейне реки Вятки»**, представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. – Археология в диссертационный совет 72.1.001.01 (Д 22.006.01) при ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»

Археология Волго-Камья начиналась более полутора столетий назад во многом благодаря открытию Ананьинского могильника. За прошедшее время степень изученности ананьинских древностей, то нарастая, то уходя несколько в тень иных открытий в археологии региона, обрела контуры вполне самостоятельного научного направления, со своим кругом проблем. Но, как справедливо заметил еще в 2000 г. С.В. Кузьминых, прорыв в накоплении источников в ананьиноведении вылился в многолетние научные дискуссии, касающиеся буквально не только всех аспектов функционирования ананьинских памятников, но, прежде всего самого понимания структуры ананьинского мира, занимавшего в начале железного века огромную территорию востока и северо-востока Европы. К настоящему времени концептуальное видение ананьинского мира как системы археологических культур, имеющих различное происхождение, но в то же время, обладающих общими чертами, позволяющими отличать их от иных культурных миров, сформулированное в работах С.В. Кузьминых и А.А. Чижевского, можно назвать научной платформой, в основе своей подготовившей теоретическую и методологическую основу для появления работ молодых ученых, в ряду которых находится и настоящая диссертация.

Одной из ключевых проблем в новом осмыслении феномена ананьинского мира, безусловно, является всесторонняя характеристика отдельных элементов данной системы – археологических культур, и рассматриваемая диссертация представляет собой шаг в этом направлении.

Актуальность выбранной темы определена проблематикой выделения вятско-ветлужской археологической культуры, получившей свое название собственно в недавней работе автора и его научного руководителя (2021 г.). Как отмечает сам автор диссертационного исследования: «Вопросы хронологии, размещения и степени концентрации ананьинских памятников бассейна р. Вятки, проблемы хозяйственного уклада и места ананьинской (вятско-ветлужской археологической) культуры бассейна р. Вятки в системе

АКИО, а также межкультурных связей за ее пределами, и, собственно, отсутствие фундаментального комплексного исследования, обусловили актуальность темы данного диссертационного исследования» (с. 4). В диссертации автор опирается как на продуктивные идеи Кузьминых–Чижевского, так и на исследовательский опыт, сложившийся в ходе изучения вятского ананьино в научных центрах Волго-Камского региона (с. 13-37).

Весомые ориентиры позволили Э.И. Оруджову выполнить самостоятельное научное исследование в рамках актуальной научной проблемы выделения локальной археологической культуры АКИО через постановку научной цели – комплексной характеристики поселений и материальной культуры населения вятско-ветлужской культуры в бассейне реки Вятка (с.6). Они определили и новизну диссертации, связанную с выявлением и введением в научный оборот всего круга археологических источников, характеризующих систему связей внутри очерчиваемого культурного ареала через пространственный анализ поселенческих памятников, за которым в определенной степени усматривается система расселения вятского ананьинского населения; общие черты и особенности материальной вятско-ветлужской АК; межкультурные связи ананьинской культуры бассейна р. Вятки. Важнейшим итогом данной работы стало появление комплексного научного исследования развития вятско-ветлужской археологической культуры бассейна р. Вятки в I тыс. до н.э.

Хронологически рамки диссертационного исследования соответствуют общеананьинской периодизации, предложенной и обоснованной в работах Кузьминых–Чижевского (2014, 2017). Методологически автор выстраивает свое исследование на основе как традиционных для археологии методов описания и систематизации источников, так и сочетания статистико-комбинаторных методов с методом культурной стратиграфии, верифицируемых обращением к возможностям естественных наук.

Поставленные Э.И. Оруджовым исследовательские задачи решены в четырех главах диссертации, с рассмотрением истории формирования вятских ананьинских коллекций и их историографическим сопровождением, а также анализом всех доступных автору источников, как опубликованных, так и до сих пор не введенных в научный оборот. В итоге автору удалось рассмотреть:

1. В первой главе историю изучения древностей бассейна р. Вятки I тыс. до н.э. в рамках четырех предложенных автором этапов: дореволюционный – конец XIX – нач. XX вв.; 2) 1920–1930-е гг.; 3) 1950–1980-е гг.; 4) современный – с 1980-х и до настоящего времени. Этот раздел работы (1.1.) имеет определенную познавательную ценность, поскольку позволяет очертить общий круг исследователей и состояние источников по вятскому ананьино, а

также выявить и ввести в научный оборот еще не публиковавшиеся материалы (с. 13–32). Систематизированный ряд научной литературы, посвященной ананьинским древностям, предложенный в п.1.2, определил основания для актуализации круга решаемых далее проблем (с. 32-37).

2. Во второй главе диссертации Э.И. Оруджов обращается к характеристике основных памятников – поселений, определяющих (поскольку других не известно) культуру и своеобразие вятского ананьино, анализируя систему расселения ее носителей в бассейне реки Вятки (2.1), жилища и прочие постройки (2.2), а также оборонительные сооружения городищ (2.3). Смелой следует признать попытку группировки поселенческих объектов, основанную на их локализации и классификации, с использованием методов картографирования и математических, а также на обращении к теории центральных мест, воспринятой археологами из экономической географии (с. 41–57). Автором выделены 5 региональных и 13 локальных групп поселений, за которыми он готов видеть различные структуры родо-племенных социальных организмов. Определенный шаг в понимании особенностей ананьинского «мира» можно отметить в разделе, где автор обращается к характеристике фортификационного искусства вятского населения (п. 2.3), акцентируя его тесную связь с природным фактором и уровнем технической оснащенности.

3. Безусловный интерес представляет третья глава диссертации, посвященная материальной культуре вятского ананьинского населения. В систематизации коллекций и возможности датировки и хронологизации вятско-ветлужской АК с помощью предметов-хроноиндикаторов автор видел одну из своих главных исследовательских задач. Подход и методы соискателя ученой степени в общем-то традиционны для региональной археологии. Это разделение всего массива анализируемых предметов по формальным основаниям и функциональному признаку: 1) керамика, 2) изделия из кости и рога, 3) изделия из камня, глины и металла. Собственный вклад диссертанта очевиден в типологической характеристике ананьинской керамики (3.1 – с. 76–83); за основу систематизации прочих категорий артефактов (3.2, 3.3 – с. 84–110) были приняты уже имеющиеся классификационные схемы и типологии (кость – В.А. Шаталов, Е.М. Черных; цветной металл – С.В. Кузьминых). Прежде уже известные в науке предметы получили в диссертации дополнительную аргументацию, позволяющую уточнить датировки как отдельно взятых памятников, так и всего ареала вятской ананьинской культуры, четче обозначить хронологические группы памятников.

4. В заключительной четвертой главе диссертантом обоснованы те общие и особенные черты в культуре вятских ананьинских памятников, которые

собственно и определяют их место в системе ананьинской историко-культурной области как самостоятельного культурно-хронологического образования. Э.И. Оруджов формулирует и пытается обосновать тезис о специфике вятского ананьино, которая наиболее отчетливо проявилась в керамическом комплексе и массовом использовании кости и рога для изготовления предметов, употребляемых в самых различных сферах жизнеобеспечения местного населения (4.1). Использование собственно археологических методов – сравнительно-типологического, стратиграфического, метода аналогий, вкупе с естественно-научными (абсолютное датирование) позволили автору вписать вятские памятники в общую периодизацию (п. 4.2) ананьинской КИО, предложенную С.В. Кузьминых и А.А. Чижевским и дать характеристику контактов вятских ананьинцев с ближним и дальним культурными мирами, среди которых уже традиционно выступают скифский мир лесостепного Подонья и Приднепровья, Кавказ, Южная и Западная Сибирь (п. 4.3).

Проведенное исследование позволило соискателю ученой степени выявить, систематизировать значительный массив как уже известных, так и новых источников, включив их в общий культурный контекст выделяемой им совместно со своим научным руководителем А.А. Чижевским вятско-ветлужской АК. Такой научный взгляд, безусловно, имеет право на существование. Э.И. Оруджовым предложена и обоснована датировка вятских памятников в общих границах второй половины/четверти VII – III вв. до н.э., выделены периоды в функционировании отдельных памятников и региональных групп.

Вместе с тем, поскольку выбранная тема являлась и остается предметом моих профессиональных интересов, позволю сформулировать и высказать ряд как формальных, так и содержательных замечаний, а также вопросов к Э.И. Оруджову.

1. По первой главе мое замечание касается оснований для выделения предлагаемых автором диссертации периодов в изучении ананьинских памятников бассейна р. Вятки. Осталось неясным каковы критерии разделения 1980–90-х годов. Это время, когда полевые работы археологов здесь велась практически только силами сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции. И эта деятельность буквально «в одночасье» прервалась в 1992–93 гг. И затем наступил длительный перерыв в активных полевых работах. «Возвращение» к изучению ананьинских древностей на Вятке произошло не ранее начала второго десятилетия XXI века. Монографические публикации материалов раскопок, выполненные мною и моими соавторами в 2002 и 2006 гг. – следует рассматривать не более чем запоздалую попытку научного

осмысления прежних исследований. Полагаю, что 1990-е – начало XXI вв. такая же пространная лакуна в изучении вятского ананьино, каковой являлись для XX в. те же 40-е – начало 50-х годов.

2. Представляется также, что автором недостаточно проработаны теоретико-методологические основания для пространственного анализа вятских памятников, в частности, предлагаемой им группировки памятников по локальным и региональным группам, за которой он склонен видеть систему расселения вятских ананьинцев родовыми (патронимическими?) группами или племенами. Все-таки в расселение людей – это социально-экономический процесс; неслучайно его изучением занимаются многие науки: география, демография, социология, история и др. и подходить к такому исследованию надо комплексно. В археологии с ее специфическим источником рассматривается, прежде всего, остаточная сеть поселений на той или иной территории на разных этапах развития общества. Вятские ананьинские поселения, как убеждают исследования самого Э.И. Оруджова, функционировали на протяжении почти 500 лет. Они имеют различные временные рамки, отличаются функционально и система имманентно присущих им связей пока не установлена. В издании материалов Аргыжского городища в 2002 г. мною была высказана мысль, что рассредоточенность ананьинских городищ вдоль основного течения Вятки и отсутствие четко выраженных «гнезд» памятников можно рассматривать, скорее, как отражение динамического процесса заселения территории. Это находит некоторое подтверждение и в территориально-хронологическом распределении укрепленных поселений, наиболее ранние из которых расположены в среднем и нижнем течении реки. Результаты последних полевых работ, на мой взгляд, ситуацию не поменяли, хотя отдельные находки раннеананьинской керамики и известны на Чижевском, Скорняковском городищах.

3. Станным также выглядит исключение из анализа поселенческой структуры таких объектов как находки 1-2 сосудов развалов сосудов или отдельных фрагментов раннеананьинской керамики (5-12 ед.) в верхних отложениях культурных напластований более ранних памятников энеолита и бронзового века (Усть-Курья, Худяковское, Арбажский льнозавод, Буй I, Ботыли IV). В свое время (1993) В.В. Ванчиков предложил называть такие местонахождения промысловыми стоянками или «местами посещений» (они и расположены в местах, топографически несвойственных селищам АКЮ), которые вполне отражают специфику промыслового хозяйства ананьинцев. В ряде случаев они образуют своеобразные «пары» с постоянными поселениями (Усть-Курья – Проходная Лоза; Арбажский льнозавод – Покста II).

4. Вопросы методического характера к автору возникают и по разделу, в котором характеризуется самый массовый материал по вятским ананьинским памятникам – керамика (3.1). Вятская керамика не единожды становилась предметом самого пристального анализа (см.: работы В.А. Маркова, В.А. Иванова (почему-то вообще не цитируемого в диссертации), В.В. Ванчикова, А.Е. Митрякова), поэтому каждая новая работа закономерно вызывает повышенный интерес. В данном случае первый вопрос безусловно касается репрезентативности выборки, тем более что автор сам называет свою выборку естественной (можно вспомнить длительные и достаточно бурные дискуссии на ананьинских конференциях, нашедшие отражение и в публикациях участников). Таблицы в приложении также не добавляют методике «прозрачности» (если бы в цифре были приложены таблицы с исходниками (с учётом признаков по сосудам), можно было бы говорить предметнее). Достигнутые итоги, позволившие обозначить особенность раннеананьинской керамики на Вятке, как пышно орнаментированной (в авторском понимании украшенной многокомпонентными композициями), только подтвердили выводы предыдущих исследователей. А вот вопросы и прежде встававшие перед исследователями, а именно, происхождение и место отдельных оригинальных признаков на вятской керамике (валики – они отличаются в части технологической; «жемчужины» – также вариативные; присутствие «глазчатых» ямок в декоре; крестовых элементов), увы, автором диссертации остались вне анализа. Вызывают недоумение и проценты сходства в выделенных группах: 0,55-0,66% для близких во всех отношениях ранних памятников (таблица 9) не выглядит «высокой». Напомню, что В.Н. Марков еще в статье 1988 г. пришел к выводу о хронологической близости Белоглазовского и Аргыжского городищ. С ним согласился В.А. Иванов, выполнивший суммарную сравнительно-типологическую характеристику вятской керамики и получивший на этих двух комплексах нижний порог значимости 0,7% (2019, с. 328). Более того, даже для двух разнокультурных ареалов (вятского и Кама I) коэффициент сходства у данного автора получился выше – 0,71 (2009, с.60), нежели внутри единого вятского ареала. Во второй (поздней) группе, судя по тем же расчетам Э.И. Оруджова, уровень сходства еще ниже (0,36-0,46). И вновь нет даже попытки объяснить это явление. Можно ли при таких показателях эту группу вообще рассматривать как внутренне цельную? Кривоборское городище, по результатам работ Н.А. Лещинской и В.В. Ванчикова – памятник многослойный (ананьинско-пьяноборский), на Никульчинском городище также известны комплексы более позднего времени. Отсутствие ясности в том, как и при каких условиях отбиралась керамика, собственно и дает такую размытость в ее

характеристике. И это видно по иллюстративным таблицам в рецензируемой диссертации (рис. 39–42).

5. В заключении диссертантом резюмированы итоги проведенного исследования, они достаточно убедительны и вполне достоверны, сопровождаются обширным приложением с рисунками, планами, фотографиями, статистическими таблицами, иллюстрирующими текст и выводы автора.

В завершение хотелось бы сказать, что представленный Э.И. Оруджовым результат, не смотря на высказанные замечания к тексту диссертации, безусловно, является частью более серьезного и крупного обобщающего исследования, которое, уверена, в скором времени будет презентовать Институт археологии им. А.Х. Халикова. Поэтому прошу рассматривать мои замечания как повод для дальнейшей плодотворной работы на «поле» ананьинской археологии.

Автореферат и опубликованные статьи в полной мере отражают содержание диссертационной работы, дают полное представление о ее структуре и выводах. Автором опубликовано 10 статей, 7 из которых напечатаны в рецензируемых научных журналах, включенных в «Перечень журналов и изданий», утвержденных ВАК.

Диссертация полностью соответствует паспорту специальности 5.6.3. – Археология и отвечает требованиям пп. 9, 10, 11, 12, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. №842, предъявляемым к диссертациям на соискание степени кандидата наук.

Оруджов Эдуард Игоревич заслуживает присвоения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. – Археология.

Официальный оппонент:
канд. ист. наук, профессор
кафедры истории Удмуртии,
археологии и этнологии ФГБОУ ВО
«Удмуртский университет»

ФГБОУ ВО «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, Университетская, 1
Тел. 8 (3412) 681610
Веб-сайт: udsu.ru

Подпись Е.М. Черных
заверяю

Е.М. Черных
26.11.2021г.

Учёный секретарь
Ученого совета ФГБОУ ВО «УдГУ»

А. Тушина